УДК 94 (47+574).084+323.1
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00012

Д. А. Аманжолова

Казахский этнополитический проект в 1917 г.: динамика приоритетов и поиск альянсов

Как известно, автономизм стал одним из основных трендов политической ситуации в России 1917 г. Стремление к большей самостоятельности в отношениях с центром проявили практически все значимые этнополитические активисты, при этом ранее не организованные в некие политические структуры стали быстро создавать различные объединения, так или иначе шедшие к созданию партий. Малочисленная казахская интеллигенция[1], консолидированная в основном вокруг газеты «Казах», заняла лидирующие позиции в таком процессе в Степи и стала на ближайшие годы этнополитической элитой кочевого социума, впоследствии прочно заняв это место и в его исторической памяти. Автономизм был высшей фазой в развитии казахской демократии начала XX в., и его пик пришелся на 1917 г. Особенности казахского движения к автономии, получившего название Алаш, связаны с предшествующими этапами его формирования.

Так, в сравнении с другими регионами Центральной Азии, как сегодня именуют бывшие республики СССР Средней Азии и Казахстан, в Казахской степи были достигнуты наибольшие результаты в политической и хозяйственной инкорпорации в российскую систему. Позднее присоединенный среднеазиатский регион отличался бóльшими различиями не только с точки зрения прочности аналогичных связей, но и в управленческом плане, а также этническим составом населения. В Степи очевидным был прирост русскоязычного населения, особенно крестьянского[2]. Интенсификация межкультурных контактов подстегивала оформление этнического дискурса и осмысление образованной частью общества

существа «казахскости». Не случайно самоопределение «казах» появляется в 1913 г. в названии созданной тогда газеты, а выработка «национального» проекта шла в направлении от интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности к локальной этноцентристской. В Средней Азии так называемый «европейский» компонент был представлен значительно меньше, а мусульманское большинство отличалось значительной пестротой. При этом казахи были самым крупным кочевым народом России.

Общероссийские политические партии имели влияние прежде всего среди русского населения и в городах. Национальная демократия в них была немногочисленна или вообще не представлена. Вступление в них было продиктовано не столько осознанным принятием программы партии, сколько интересом к некоторым основным идеям и поиском способов политического самовыражения. В мусульманских организациях поучаствовали Ж. Досмухамедов, В. Таначев, А. Букейханов, кадетских — М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Сейдалин, А. Букейханов. Во время учебы в столице Тынышпаев вступил в партию эсеров, позже был одним из организаторов эсеровского союза автономистов-федералистов в Асхабаде и Ташкенте. Во II Думе числился в кадетской фракции. Несколько казахских демократов во главе с Букейхановым накануне революции активно сотрудничали с представителями политического класса России через структуры Думы[3] и Земгорсоюза.

Наряду с политически слабой группой так называемых казахских «тюркофилов», ориентировавшихся на мусульманское единство народов региона, в казахском политическом «поле» к 1917 г. появились и немногочисленные левые (А. Джангильдин, Т. Рыскулов, К. Тогусов, С. Сейфуллин, А. Кенжин). Социал-демократические группы в 1914–1916 гг. подпольно действовали в Омске и Петропавловске, эсеры были разрозненны и предпочитали легализоваться через кооперацию. Сторонниками либерализма, прежде всего кадетов, были организаторы газеты «Казах» во главе с Букейхановым, хотя на деле их взгляды соединяли разные идеи и принципы либерализма, социализма и национализма.

В целом казахские демократы в сравнении со среднеазиатскими оказались наиболее светски образованными и интегрированными в общероссийское культурное и политическое пространство. Потребности духовно-религиозной модернизации и проблемы консолидации с мусульманскими структурами России они подчиняли этнополитическим задачам. Под влиянием полученного в вузах империи образования, общей общественно-политической атмосферы, научных, журналистских, организационных и личных контактов с представителями российской интеллигенции оформлялся политический облик казахского актива 1917 г. Сознание близости и общности основных представлений о модернизации поликультурной России совмещалось с ростом убежденности в культурной самоценности казахов, призванных не только приобщаться к более развитой части российского социума, но и сохранять собственную многомерную целостность.

После падения самодержавия, которое породило восторженные призывы национальной общественности к Временному правительству обеспечить демократию на окраинах, в Степи быстро сформировались этнополитические институции, казахская элита участвовала и в создании коалиционных органов власти. Более успешной консолидации национальных сил способствовало почти монопольное положение газеты «Казах» в информационном поле, а этноцентризм стал отличительной чертой организационного строительства. Показательно, что казах Ж. Досмухамедов на Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. по поводу мусульманского единства (национально-культурной автономии) заявил: «создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы», безусловно, невозможно, а сторонник этой идеи А. Цаликов просто не знает, что есть нация[4].

1917 г. стал временем быстрого создания казахских комитетов[5], которые вместе с советами и всевозможными гражданскими структурами включались в организацию местного самоуправления, были активными участниками создания земств, центрами этнополитической активности и звеньями нарождавшейся сети движения Алаш. В учреждениях Временного правительства от Туркестанского комитета до местных работали практически все лидеры общественного мнения Степи. Они же вскоре приступили к созданию национальной партии. В конце 1917 г., после провозглашения автономии, этнополитические структуры переросли в органы автономной власти. Она стала идеей фикс для казахских активистов, при этом для среднеазиатских деятелей автономизм не был связан с политизацией этничности и религиозная консолидация оставалась первичной.

Казахская элита, возглавившая движение Алаш, на протяжении всей своей истории достаточно трезво оценивала социально-политическую ситуацию внутри национального общества, а также собственные организационные, политические, финансовые и другие возможности. Именно этим объясняется тот факт, что вплоть до октября 1917 г. она не ставила вопрос о национальной государственности в практическую плоскость и вообще никогда не имела сепаратистских или автаркистских целей и установок. Изначально стройной, теоретически проработанной автономистской программы у лидеров движения не было. Их представления о типе национально-государственного образования казахов, его месте в рамках евразийского геополитического пространства, объединяемого Российской империей и после ее развала, полномочиях и статусе региональной власти складывались по мере развития политической ситуации и под ее воздействием, что вполне естественно и закономерно. При этом основные требования оставались неизменными и касались справедливого землеустройства с учетом специфики кочевого, полукочевого и полуоседлого в большинстве своем казахского хозяйства, местного самоуправления на базе традиционных инструментов регулирования общественных отношений, гарантий сохранения и развития культурной самобытности, свободы вероисповедания.

Бесспорным лидером казахских демократов был А. Н. Букейханов. Чингизид по происхождению, интеллектуал, он оказался наиболее тесно связан с российскими общественно-политическими деятелями, прежде всего либеральными. Кадет и масон, друг и единомышленник сибирских областников, журналист и ученый-статистик, член РГО, депутат I Государственной думы и подписант Выборгского воззвания, женившийся на дочери омского народника Е. Я. Севостьяновой, он рано включился в политическую жизнь и к 1917 г. накопил значительный опыт. Резко критикуя аграрную и социально-культурную политику власти в регионе, выступая за расширение политических прав народов России и введение земства по всей стране, он никогда не заявлял о колониальном статусе казахов, как и другие его единомышленники, но сохранял уважение к русской культуре. Накануне революции Букейханов возглавил легальное движение части национальной общественности за компромисс с властью по поводу условий призыва казахов на тыловые работы, умиротворения «сородичей», принявших участие в восстании 1916 г. и социальной поддержки тыловиков в прифронтовых зонах[6]. Он установил хорошие личные отношения с видными кадетами, что в 1917 г. в том числе сыграло свою роль в его назначении Временным правительством на должность члена Туркестанского комитета и комиссара по Тургайской области, а также в избрании членом ЦК партии народной свободы.

В качестве комиссара Временного правительства Букейханов проявил себя как гражданин и патриот, противник политического радикализма и любого экстремизма, в том числе религиозного, сторонник межэтнического согласия. В этом контексте достаточно привести его слова при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда мировая война была еще далека от завершения: «...без победы над врагом на фронте, без мирного труда в тылу мы не укрепим завоеванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае, в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призвал казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу. ...В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоеванных свобод необходимо, чтобы все граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания, жили между собой в ладу, помогая по силе возможности друг другу». Вместе с тем он выступал против частной собственности на землю, за общинное пользование ею при условии, что «ни один киргиз не может быть без земли». Значительное место в работе Букейханова на посту комиссара правительства заняли защита прав казахских женщин в вопросах брака и образования, в том числе против Шура-и-Исламия, противодействие попыткам мулл присвоить различные религиозные сборы, предназначенные на благотворительность, с применением строгих мер в случае выступления «против народных общественных интересов в корыстных целях, идущих вразрез новому строю». Он осуществлял контроль

над реализацией принципа пропорционального национального представительства при организации местного самоуправления, и это стало основным требованием в переговорах с СНК РСФСР весной 1918 г., поскольку позволяло обеспечить большинство для коренного населения. Букейханов выступал также против «партизации» местных властей и требовал, чтобы все расходы по партийной деятельности лиц, входящих в них, несли сами общественные организации; вмешивался в деятельность Совета крестьянских и казахских депутатов в связи с вымогательством денег за освобождение от мобилизации на тыловые работы одним из депутатов. Его распоряжение об аресте первого казахского большевика А. Джангильдина, прибывшего в качестве инструктора Петроградского совета, было увязано с требованием к последнему лишить Джангильдина полномочий вести революционную агитацию среди казахов[7].

Развитие движения Алаш в условиях революций 1917 г. и Гражданской войны связано с центральным в его истории вопросом о государственности. Организованные казахскими комитетами и газетой «Казах» областные, а затем общеказахский съезд 21–28 июля 1917 г. в Оренбурге высказались в поддержку новой демократической власти. На последнем съезде было выдвинуто требование областной территориально-национальной автономии в рамках Российской демократической федерации, что отражало влияние центробежных сил, разбуженных по всей стране. Но в какие-либо конкретные действия и формы пока этот постулат не перерос. Однако вскоре лидер Алаш А. Букейханов вышел из общероссийской партии кадетов, несмотря на избрание в состав ее ЦК, и одним из главных мотивов в принятии данного решения было то, что партия кадетов против национальной автономии. Эта позиция тоже не была тогда подкреплена практическими шагами в сторону реализации идеи.

Представители Алаш в 1917 г. поддерживали контакты с руководством областнического движения в Сибири. Они приняли участие в работе I областного Сибирского съезда 8–17 октября 1917 г. в Томске. А. Букейханов и А. Ермеков были избраны в президиум от Семипалатинской области и от национальностей. Съезд обсудил вопросы о формах самоуправления, национальный, земельный, о создании общесибирского экономического совета и постоянно действующего областнического органа. 9 октября Ермеков заявил: «В Сибири не было связи народов, каждая национальность жила своею жизнью, общие интересы не выявлялись, теперь же, когда мы призваны сами устраивать свою жизнь, должен быть конгломерат всех народностей, чтобы Сибирь мощно и сильно заговорила о своих нуждах на языке всех народов». В ходе обсуждения доклада экономической секции 14 октября Букейханов предложил при создании трех районов в Сибири выделить в отдельный подрайон Тургайскую и Акмолинскую области и вообще всю степную часть Сибири.

Лидер казахских демократов также заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». Съезд высказался за включение в автономную Сибирь «всего Киргизского края при свободном на то волеизъявлении

населяющего эти пределы населения»[8]. Съезд в соответствии с известными и объективно оправданными установками сибирских областников на национально-культурную автономию высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов» в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория «на восток от Урала со включением всего Киргизского края при свободном на то волеизъявлении населяющего эти пределы населения»[9].

Один из наиболее авторитетных представителей сибирского областничества Г. Н. Потанин, которого казахи называли «аксакалом со святой душой», много лет посвятивший изучению быта, традиций, фольклора и обычаев казахов, верно подметил реализм «вождей киргизского народа», которые не решались на образование автономии. Их стремление войти в состав Сибирской автономии рассматривалось как подготовительный этап в направлении формирования собственной государственности по мере преодоления политической и культурной отсталости нации. Оптимальной формой государственного устройства для них при этом выступала «не родственная автономия, а автономия, привязанная к земле». Это могло бы обеспечить мирное сожительство разных народов[10].

Попытка объединить усилия туркестанских и казахских (от Тургайской и Уральской областей) мусульман состоялась 17–20 сентября на съезде в Ташкенте, практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого в свою очередь обострением ситуации в Петрограде. Однако решение съезда о будущей Туркестанской федерации в составе Российской республики не привело к объединению казахских и туркестанских автономистов. Более того, взятие власти большевиками заставило тех и других осознать необходимость самостоятельных действий, к чему подтолкнули их и местные левые, упорно боровшиеся за полновластие советов. При этом лидеры Алаш вплоть до декабря осмотрительно оставались в союзе с сибирскими областниками. Туркестанские демократы, не имея аналогичного регионального партнера и не получив поддержки со стороны алашевцев в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявили о нейтральной позиции в отношении и свергнутого Временного правительства, и большевиков[11]. Но верность идее Российской федерации была зафиксирована в решениях о создании и краткосрочной Туркестанской автономии, и Алашской.

5 октября 1917 г. газета «Казах» предложила на основе решений I Всеказахского съезда начать выдвижение кандидатов по списку партии: «Все те, кто стоит за постановление всекиргизского съезда и за отдельную киргизскую политическую партию, должны именовать список кандидатов на собрании списком партии “Алаш”». Газета разослала извещение о названии партии, которая, по сути, еще не существовала. В списке кандидатов от кочевого населения Семипалатинской области на 1-м месте стояла фамилия известного сибирского этнографа, кадета и областника Г. Н. Потанина.

Букейханов активно участвовал в избирательной кампании. 21 октября он приехал в Семипалатинск, где обозначил принципиальные положения своей политической программы: «...свободу принес не я, а герои — русские люди, я лишь их соратник. Сотни лет они боролись и погибали за свободу, поэтому нужно выразить им благодарность. Если вы действительно приветствуете свободу, если считаете меня своим руководителем, я обещаю до конца жизни служить вам. Можете ли вы обещать быть вместе со мной на пути к свободе? <...> Не надо обманывать слабых при создании партии. Вы должны объединиться. Личные выгоды и общественные интересы должны слиться. Все свои силы вы должны отдавать приобретению знаний. ...В противном случае свобода ничего вам не даст»[12].

В Семипалатинске Букейханов принял участие в заседаниях областного земельного комитета, руководимого лидером местных эсеров И. Юдиным. Обсуждая его доклад об основных направлениях земельной реформы, Букейханов признал приемлемость для казахов «формулы “вся земля всему трудовому народу”, т[ак] к[ак] в степи никогда не существовало и не существует частной собственности. В этом принципе <...> киргизы расходятся с партией кадет, но, с другой стороны, наемный труд необходим для киргизского хозяйства и должен остаться». Букейханов выразил сомнение в возможности поддержки отмены частной собственности со стороны 15 млн хуторян, отрубников, подворников и общинников Европейской России. Сепаратистские устремления украинцев он отчасти объяснял их тяготением к частной собственности «против давления великороссов-общинников». В ответ на замечание социал-демократа Тимофеева по поводу противоречивости идей Букейханова о землепользовании казахов, последний дал ему «решительную отповедь» насчет неуместности суждений этой партии о земельной реформе в силу отсутствия собственной программы. «Это знают плехановцы и меньшевики и молчат, а лишь другая часть этой партии кричит “вся земля всему народу” и является партией, не знающей Маркса, — просто шарлатанами». Букейханов рассказал также о работе Тургайского земельного комитета, «старающегося всеми способами выявить мнение самого местного населения о будущей земельной реформе» без влияния каких-либо партий и с помощью специалистов разработать «стройный план краевой земельной реформы и внести в Учредительное собрание». Он также призвал представителей казачества не обделять казахов — арендаторов их наделов. Комитет избрал председателем И. Юдина, его товарищем — алашевца Х. Габбасова и принял резолюции общего характера об отмене частной собственности на землю и некоторые другие[13].

Между тем с приближением выборов в Учредительное собрание всё настоятельнее становилась потребность в четком определении программных установок Алаш. 12 ноября 1917 г. газета «Казах» поместила просьбу Омского обкома партии «срочно опубликовать... программу Алаш-Орды» (под словом «Алаш-Орда» имелся, вероятно, в виду будущий центральный комитет партии).

Это было связано с выплеснувшейся на страницы казахской печати полемикой между Алаш и сторонниками партии Уш-Жуз во главе с К. Тогусовым. Все ее перипетии достаточно подробно и объективно описал С. Сейфуллин[14]. 21 ноября проект программы партии Алаш был опубликован, причем он был в срочном порядке подготовлен лидерами движения, поскольку специально выделенная для этого группа с задачей не справилась. Проект не был утвержден, да и сама нарождавшаяся партия не успевала стать полноценным инструментом политического действия. О. В. Волобуев правомерно называет большинство национальных партий России этого периода автономистскими, или этнорегиональными, если судить по их цели в вопросе о государственности, а провозглашенную в 1917 г. казахскую партию Алаш — протопартией, но вряд ли ее можно отнести к чисто либеральным[15].

Алаш выступала за отделение церкви от государства, организацию суда на родном языке «сообразно обычаю», прогрессивный подоходный налог и декларировала, что «стремится создать для народа благо и культуру». Ссылаясь на малочисленность рабочих в крае, проект ограничивал отношение к рабочему вопросу указанием на необходимость создания рабочего законодательства в пользу рабочих и поддержку в этом отношении позиции меньшевиков. Гораздо более подробно рассматривался земельный вопрос с указанием известных требований казахского населения в отношении переселенческой политики и колонизации края. По некоторым подсчетам, партия-движение насчитывала 5 тыс. человек[16].

Центростремительная смена институциональных приоритетов

После октября 1917 г. естественный ход преобразования движения в партию был нарушен. Вскоре II Всеказахский съезд (5–13 декабря 1917 г., Оренбург) принял решение образовать автономию и избрал правительство (Алаш-Орда); на основе партийных организационных структур на ходу создавались протогосударственные.

Этнополитический компонент последовательно формировался и укреплялся в общественном пространстве Степи начиная с 1905 г. и отражал общероссийские тенденции в пробуждении национальных регионов. Программные идеи казахских лидеров демократизации и автономизма складывались из совокупности наиболее приемлемых, по их мнению, положений разных общероссийских проектов, от народнических и социалистических (эсеровских и меньшевистских) до либеральных. При этом этноцентристский фокус становился всё отчетливее. Не случайно созданная, но не успевшая приобрести классический институциональный облик партия Алаш не была привязана ни к одной из ведущих политических сил России и называлась «казахская национальная

партия» (киргизская по принятому тогда этнониму казахов — киргиз-кайсаки, киргизы).

Отношение к большевизму у алашевцев было критическим. Утопический социализм и социальная справедливость достаточно явственно фигурировали в их суждениях с начала XX в., но предпочтение легитимным политическим акциям и компромиссам преобладало. Сравнивая РСДРП(б) и других социалистов, М. Дулатов пояснял, к примеру: «Большевики хотят сразу уничтожить и сломать всё, взять в свои руки власть и сделать всё по-своему. Конечно, мнение, что в мире не должно быть ни богатого, ни бедного и что все должны быть равны и жить мирно, солидарно, это всё хорошо, но... для этого требуется несколько веков». А. Байтурсынов, в 1919 г. вступивший в РКП(б), объяснял неприятие Октябрьской революции казахами отсутствием у них характерной для промышленных районов страны классовой дифференциации[17].

Оценку первых шагов Советов на местах наиболее рельефно дал Букейханов в «Памятке крестьянам, рабочим и солдатам» 1 декабря 1917 г. Он обвинил В. И. Ленина в единоличном безответственном правлении и призывал адресатов запомнить, что «с лица большевика спала красная маска революционера и обнажила его сущность черносотенца», поскольку эта партия отвергает ответственность власти перед народом, демократические свободы, неприкосновенность граждан и депутатов[18]. Последнее обвинение, как и другие, сам резкий и категоричный обличительный стиль памятки был вызван прежде всего учиненной тогда расправой большевиков над кадетами, объявленными «врагами народа», среди лидеров которых были весьма близкие ему по духу товарищи. Впрочем, это не помешало Букейханову уже весной 1918 г. руководить успешными переговорами алашордынцев с Лениным и Сталиным по поводу автономии и местного самоуправления на основе земства, а не советов. В 1919–1920 гг. алашордынцы признали власть победителя, и часть их активно участвовала в начальном строительстве Казахской АССР.

Важно, что основным мотивом, побудившим принять решение о создании автономии, был распад единого государства: «...Российская Республика лишилась власти, пользующейся доверием и моральным авторитетом, при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству... Единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признало бы всё население киргизских областей». Провозглашение автономии было естественной реакцией самосохранения в обстановке всеобщего развала государственных институтов и потери управляемости как в центре, так и на местах. Те же явления наблюдались и на территориях казачьего самоуправления, да и в других регионах России, которая к середине 1918 г. получила более 20 различного рода правительств и автономий. II Всеказахский съезд высказался за демократическую федеративную Россию с президентским правлением и включение в ее состав казахской

автономии наравне с другими народностями, обеспечение национального равноправия, организацию судопроизводства на родном языке «сообразно обычаю», прогрессивный подоходный налог, отделение церкви от государства. Автономия должна была объединить области, «представляющие сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизским единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка»[19]. Черты будущего национально-государственного образования выступают здесь достаточно четко, и столь же определенным, с выделением наиболее важных признаков, стало понимание нации как достаточно консолидированной этнической общности.

Алашордынцы в конце 1917 г. продемонстрировали реализм, осмотрительность и гибкость, стремление легитимным путем выйти из кризиса на основе решения национального учредительного собрания с последующим утверждением ее конституции Всероссийским учредительным собранием. Симптоматично, что Букейханов на съезде «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоразумно». При этом газета «Казах» указывала в статье «Что является основой государственности»: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной»[20]. Трезвое понимание того, что именно наличие последнего фактора является наиболее проблематичным, обусловило осторожные действия алашордынцев. К тому же сказалось наличие по границам Степи разных политических новообразований — от башкирских автономистов и казачьих правительств до наиболее близких коммуникативно и идейно сибирских областников. Букейханову удалось отстоять свою позицию в достаточно напряженных дебатах со сторонниками ориентации на союз с туркестанцами и немедленной практической реализации институтов автономии.

Готовность включать в состав будущего правительства автономии и местные органы самоуправления представителей других народов Степи на пропорциональной основе практически реализована не была. Алаш-Орда — правительство автономии Алаш, сформированное в декабре 1917 г., как и местные его структуры, было моноэтничным на протяжении всей своей истории. Возникшие в 1917 г. земства, советы и другие самодеятельные структуры, как и органы Временного правительства, были интернациональными по составу, что, впрочем, не зависело от намерений и действий автономистов, вполне сознательно и деятельно сотрудничавших с ними с учетом практической целесообразности, особенно во время выборов в Учредительное собрание. В представлениях о справедливости как доминирующей социальной ценности преобладали политические и, в случае элит, также конъюнктурные факторы, причем от февраля к октябрю их значение всё более возрастало.

О результативности избранной алашевцами тактики говорят итоги выборов в Учредительное собрание. Мусульманское население 8 губерний, в которые

не входили Туркестан, Кавказ и Степной край, провели в него 10 депутатов. В Сыр-Дарьинском округе выборы не состоялись. Выборы в Степном округе проходили с 26 по 31 декабря 1917 г. По Семипалатинскому уезду список № 5 «Алаш» набрал наибольшее из 14 списков число голосов избирателей — 85,6% (58331 чел.), по г. Семипалатинску — 33,3% (3304 чел.). На 2-м месте после них оказались в уезде эсеры (5%) и кадеты в городе (18,8%), только в Семипалатинском гарнизоне большевики смогли победить, набрав 51,3% голосов. За ними шли эсеры — 19,1%, казаки и кадеты — по 11,8%. По уезду большевики оказались на 4-м месте, получив 2,8% голосов и уступив казакам (4,6%), в городе — на 5-м (10,5%) после татарского списка и эсеров (соответственно 15,8 и 10,6%).

В Омске с большим числом рабочих список «Алаш» набрал 80 голосов, т. е. 0,4%, на 1-м месте здесь были большевики — 27,5%, на 2-м — кадеты — 21,8%, на 3-м — объединенные социалисты — 19,5%. В Тургайском округе список № 1 «Алаш» получил 75% голосов избирателей (211274 чел.), за ними со значительным отрывом шли эсеры и съезды крестьянских, солдатских и рабочих депутатов — 22,6% (63750 чел.). В статье Букейханова «Судья — народ» (Казах. 1917. № 253, 2 декабря) говорилось в связи с этим: «За последователей Жангильдина в списке № 3 на выборах в Учредительное собрание народ Тургая подал всего лишь 41 голос, тогда как за список партии Алаш голосовали 54897 чел.». В Уральском округе под № 1 значился областной казахский комитет, который набрал также 75% голосов (278014 чел.), 16,6% (61476 чел.) получил список № 3 — войсковой съезд уральского казачества, 7% — Совет крестьянских и иногородних депутатов (26059 чел.). В Уральске «Алаш» и казачество поменялись местами — первые получили 8,3% (976 чел.) голосов, вторые — 61,3% (7248 чел.), на втором месте оказался Совет крестьян и иногородних — 23,1%, или 2737 чел. В Семиреченском округе список «Алаш» и других мусульман № 3 получил 57,5% (200639 чел.) голосов избирателей, опередив блок социалистов Верного, Совета крестьянских депутатов, Совета рабочих и солдатских депутатов, киргизской социалистической партии «Фухара» — 34,4% (120150 чел.) и таранчинское население — 8,1% (28282 чел.). В целом, по свидетельству А. Букейханова, партия «Алаш» провела в Учредительное собрание 43 депутата[21], при этом для казахских избирателей дружное голосование за ее выдвиженцев совсем не означало полного знания, понимания и признания совокупности идей, которые проповедовали представители образованного класса и традиционные авторитеты кочевого общества.

Поиск более рационального и признаваемого большинством нового государственного порядка функционирования и консолидации этноконфессионального и социального разнообразия породил в регионах бывшей империи во многом сходные проекты. Национальные элиты и центры политической силы на местах при слабости и неустойчивости общегосударственной власти возглавили очаги самоорганизации. Но стабилизация и интеграция столь

разнообразного социально-культурного, политического и многонационального пространства оказалась им не под силу, во многом вследствие разного смыслового наполнения динамично менявшейся ситуации. Центробежные тенденции ярко проявились после падения монархии, при этом одновременно бурная самодеятельность региональных политических сил в большинстве своем очень быстро перешла от овладения местной властью к поиску ее нового общегосударственного центра. Ограниченность национального казахского проекта автономным статусом в составе преобразующейся России также отражала вынужденный характер принятого решения и одновременно потребность в сильном всероссийском центре, способном обеспечить должную модернизацию региона и его коренного населения как неотъемлемой части граждан всей страны.

---

1 На 1897 г. образовательный уровень казахов составлял 2,7 %. В аппарате администрации, суда, полиции и других общественных учреждениях Степи работали 4469 казахов — 0,54 % занятого населения. См.: *Игибаев С. К.* Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск, 2010. URL: http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963 (дата обращения 13.02.2015); *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 231, 298, 299.

2 История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Алматы: Атамура, 2000. С. 567, 570.

3 В I Думу были избраны 3 казаха (из 23 мусульман-депутатов), во II Думу попали 6 казахов, при этом русский язык знал только М. Тынышпаев. См.: *Циунчук Р. А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной Думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). М., 1997. С. 176–223.

4 История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). Самарканд, 2012. С. 284–285.

5 См.: *Абылгазина А.* Казахские комитеты в 1917 году // Мысль. 1998. № 3. С. 84–87.

6 См.: Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. М., 2017. С. 250–258.

7 ЦГА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–14, 44, 74.

8 Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября; Путь народа (Томск). 1917. 17 октября.

9 Сибирская жизнь. 1917. 8, 11, 17, 21 октября.

10 Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября; Жалпы сібір съезі // Казах. 1917. № 251. Цит. по: *Бокейханов Э.* Кыр баласы. Шыгармалар. Алматы, 1994.

11 *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006. С. 180.

12 Қазақ әдебиеті. 1990. 8 маусым.

13 Свободная речь (Семипалатинск). 1917. № 78, 1 ноября.

14 *Сейфуллин С.* Тернистый путь. Алма-Ата, 1964. С. 133–141.

15 *Волобуев О. В.* К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 288; Программу партии «Алаш» см.: Казахская партия «Алаш» // Программы политических партий России: Конец XX — начало XX в. М., 1995. С. 236–240.

[16] *Григорьев В. К.* Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917–1920 гг.). Алма-Ата, 1989. С. 127.

[17] Казах. 1917. 3 ноября; *Байтурсынов А.* Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. № 29 (37), 3 августа.

[18] ЦГА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

[19] Алаш-Орда. Сб. документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 73–75, 104; Казахстанская правда. 1989. 19 июня.

[20] Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI в.). М., 2006. С. 41.

[21] Свободная речь. 1918. 11 января; Сибирская речь (Омск). 1918. 4 января; *Спирин Л. М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 311–312, 317–318, 301–302; *Святицкий Н. В.* Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции (1917–1918 гг.) Сб. статей. М., 1918. С. 118–119, 110–111.

References

ABYLGAZINA A. *Kazakhskie komitety v 1917 godu* [In Russ.] // Myslj. 1998. N3. S. 84–87.

AGZAMKHODZHAEV S. *Istoriya Turkestanskoj avtonomii (Turkiston Mukhtoriyati).* [In Russ.]. Tashkent: Toshkent islom universiteti, 2006.

Alash-Orda. Sb. dokumentov. [In Russ.] / Sost. N. Martynenko. Kzyl-Orda: Kazizdat, 1929. 169 s.

BOKEJKHANOV A. *Kyr balasy. Shygarmalar.* [In Kazakh.]. Almaty: Kazakstan, 1994.

GRIGORJEV V. K. *Protivostoyanie (Boljsheviki i neproletarskie partii v Kazakhstane. 1917–1920 gg.).* [In Russ.] Alma-Ata: Kazakhstan, 1989.

IGIBAEV S. K. *Kazakhstan v istochnikakh i materialakh.* [In Russ.]. Ust-Kamenogorsk, 2010. URL: http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963 (date of access 13.02.2015).

Istoriya Kazakhstana s drevnejshikh vremen do nashikh dnej. [In Russ.]: V 5 t. / Redkoll.: M. K. Kozybaev, K. S. Aldazhumanov, M. Kh. Asylbekov, Zh. K. Kasymbaev. T. 3. Almaty: Atamura, 2000.

Istoriya obschestvenno-kulturnogo reformatorstva na Kavkaze i v Tsentralnoj Azii (XIX — nachalo XX veka). [In Russ.]. Samarkand: MICAI, 2012.

KAPPELER A. *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknovenie. Istorya. Raspad.* [In Russ.]. Moscow: Progress-Traditsiya, 1997.

Kazakhskaya partiya "Alash" [In Russ.] // Programmy politicheskikh partij Rossii: Konets XX — nachalo XX v. Moscow: ROSSPEN, 1995. S. 236–240.

Rossiya i Kazakhstan: problemy istorii (XX — nachalo XX vv.). Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 2006.

SEJFULLIN S. *Ternistyi putj.* Ist.-memuarnyi roman [In Russ.] / [Per. s kaz. S. Talzhanova i I. Schegolikhina]. Alma-Ata: Kazgoslitizdat, 1964.

SPIRIN L. M. *Rossiya. 1917 god. Iz istorii borjby politicheskikh partij.* [In Russ.]. Moscow: Myslj, 1987.

SVYATITSKIJ N. V. *Itogi vyborov vo Vserossijskoe Uchrediteljnoe sobranie* [In Russ.] // God russkoj revolyutsii (1917–1918 gg.): Sb. statej. Moscow, 1918. S. 104–119.

TSIUNCHUK R. A. *Razvitie politicheskoj zhizni musulmsnskikh narodov Rossijskoj imperii i deyatelnostj musulmsnskoj fraktsii v Gosudarstvennoj Dume Rossii 1906–1917 gg.* [In Russ.] // Imperskij stroj Rossii v regionalnom izmerenii (XIX — nachalo XX veka) / Otv. red. P. I. Saveljev. Moscow: MONF, 1997. S. 176–223.

VOLOBUEV O. V. *K voprosu o klassifikatsii natsionalnykh partij* [In Russ.] // Istoriya natsionalnykh politicheskikh partij Rossii. Moscow: ROSSPEN, 1997. S. 285–289.

Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoj Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (K 100-letiyu Vysochajshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.): kollektivnaya monografiya [In Russ.] / [red.-sost.: T. V. Kotyukova]. Moscow: Russkij impuls, 2017. S. 250–258.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. А. Аманжолова. Казахский этнополитический проект в 1917 г.: динамика приоритетов и поиск альянсов // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 169–182

Аннотация: В статье характеризуется динамика этнополитических ориентиров казахских политических активистов в 1917 г. Малочисленная национальная интеллигенция после распада монархии взяла на себя роль этнополитической элиты. Ее предпочтения развивались от приобщения к общероссийским партиям к этноцентризму. Программа национальной партии «Алаш» в 1917 г. соединяла социалистические, либеральные и этноцентристские идеи. Политическая конъюнктура, опыт общественной деятельности и межрегиональных коммуникаций сыграли важную роль в эволюции движения. Развитие революции продиктовало быстрый переход к автономизму, который стал высшей фазой истории движения Алаш. Провозглашение автономии было обусловлено крахом государственности и стремлением обрести сильный центр власти, способный обеспечить стабильность в культурно сложном российском обществе.

Ключевые слова: Россия, революция, Казахская степь, политические партии, движение Алаш, автономизм, этнополитическая элита.

FOR CITATION

D. Amanzholova. The Kazakh ethno-political project in 1917: the dynamics of priorities and the search for alliances // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 169–182

Abstract: The article describes the dynamics of the ethnopolitical orientations of Kazakh political activists in 1917. After the collapse of the monarchy, the small national intelligentsia assumed the role of the ethnopolitical elite. Her preferences evolved from familiarizing with all-Russian parties to ethnocentrism. The program of the national party *Alash* in 1917 combined socialist, liberal and ethnocentric ideas. Political conjuncture, experience in social activities and inter-regional communications played an important role in the evolution of the movement. The development of the revolution was dictated by the rapid transition to autonomy, which became the highest phase in the history of the Alash movement. The proclamation of autonomy was due to the collapse of statehood and the desire to find a strong center of power capable of ensuring stability in a culturally complex Russian society.

Key words: Russia, revolution, Kazakh steppe, political parties, Alash movement, autonomy, ethnopolitical elite.

Автор: **Аманжолова, Дина Ахметжановна** — д. и. н., Институт российской истории РАН.
Author: **Amanzholova, Dina** — doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History RAS.
E-mail: amanzholova19@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/2603-3832-300